

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СОПРЯЖЕННОСТЬ
И АТТРИБУТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
(андийские языки, адыгейский язык)

Ю.А. Ландер

Институт востоковедения РАН, Москва

З.Б. Меретукова

Майкоп

В настоящей работе мы пытаемся установить связь между явлениями, которые, на первый взгляд, никак между собой не связаны, в языках, принципиально различающихся между собой по структуре. Объектом исследования являются приименные атрибутивные конструкции — с одной стороны, в андийских языках (нахско-дагестанская семья) и, с другой стороны, в адыгейском языке (абхазо-адыгская семья). Нас будут интересовать распределение согласования в андийских атрибутивных конструкциях и позиция определения в посессивных конструкциях адыгейского языка. Как мы покажем, в основе наблюдаемых явлений лежит одна и та же характеристика определений, а именно их сопряженность с именем¹.

Атрибутивные конструкции

При рассмотрении атрибутивных конструкций мы ограничимся конструкциями с прилагательными и посессивными конструкциями, оставляя за границами исследования в первую очередь относительные конструкции и конструкции с кванторными выражениями и с указательными местоимениями. Некоторые из наших выводов предположительно могут работать и для этих фрагментов грамматики, но они имеют и свои особенности.

Приименные посессивные конструкции понимаются нами максимально широко — как семантически немаркированные определительные конструк-

¹ Работа в значительной степени основана на исследовании, представленном в [Lander 2010].

ции, отражающие отношения между объектами (см. подробнее [Lander 2008]). Мы не пытаемся свести эти конструкции исключительно к отношению обладания; в посессивной конструкции отношение не уточнено, оно выводится из контекста или лексической семантики элементов словосочетания, но не из самой конструкции. Кроме того, в результате посессивными мы считаем и некоторые словосочетания, которые в описательной практике зачастую к этому классу не относятся. Например, русское *чугунный котел* трактуется нами как посессивное наряду со словосочетаниями вроде *его сестра*, поскольку оно тоже передает отношения между объектами (между сосудом и материалом, из которого он сделан). С типологической точки зрения такой подход вполне обоснован, поскольку отношения вроде ‘объект—материал’ передаются посессивными конструкциями во многих языках мира.

Тем не менее мы признаем, что *чугунный котел* — не прототипическая посессивная конструкция. Объясняется это тем, что прототипическая посессивная конструкция устанавливает референцию объекта обладания через его отношение с посессором, а словосочетания типа *чугунный котел* не устанавливают референцию, а лишь сообщают о некоторой характеристике референта. Прототипический посессор должен быть хорошо опознаваем, иначе отношения с ним не могут использоваться для идентификации объекта обладания. В приведенном непрототипическом сочетании материал выступает с этой точки зрения крайне непрототипическим посессором: он нереферентен (то есть не имеется в виду никакой конкретный объект действительности).

Выделение атрибутивных конструкций с прилагательными с типологической точки зрения не является тривиальной задачей из-за разнородности понятий, выражаемых прилагательными в языках мира. Тем не менее, исходя из списка «базовых» прилагательных, предложенного Р. Диксоном [Dixon 1977], по-видимому, можно считать, что наиболее каноническими прилагательными являются оценочные слова со значениями типа ‘большой’, ‘новый’, ‘хороший’ и т.д. В силу субъективности оценки конструкции с такими прилагательными, по-видимому, менее всего приспособлены для установле-

ния или даже ограничения референции определяемого — и в этом отношении они оказываются антиподами прототипических приименных посессивных конструкций. Этот контраст можно представить в виде шкалы типов определений, на одном конце которой располагаются прототипические посессивные атрибуты, а на другой — определения, выраженные базовыми прилагательными. Модификаторы типа *чугунный* в ней, очевидно, занимают промежуточную позицию, как и многие другие классы непрототипических посессоров и непрототипических прилагательных. В результате эта шкала коррелирует с опознаваемостью модификатора, которая для посессора определяется через расположение на одной из так называемых иерархий топикальности: 1,2 лицо > 3 лицо; Местоимение > Собственное имя > Наричательное имя; Личность (человек) > Неличность > Неодушевленность; [Определенность > Неопределенность] > Нереперентность; Исчисляемое > Неисчисляемое. Чем выше определение на этих иерархиях, тем оно более опознаваемо, тем скорее выступает в качестве более прототипического посессора и тем ближе к соответствующему полюсу шкалы.

Андийские языки: согласование в атрибутивных конструкциях

Именные группы в андийских языках характеризуются зависимостным маркированием в терминах [Nichols 1986]: синтаксические отношения в них маркируются не на главном, а на зависимом элементе конструкции. Во всех андийских языках некоторые прилагательные согласуются с определяемым. Далее, однако, нас будут интересовать преимущественно приименные посессивные конструкции.

При описании посессивных конструкций андийских языков обычно выделяется два типа генитива/родительного падежа: так называемый «классный генитив», представляющий собой присоединение к посессору классно-числового показателя (КЧП), соответствующего объекту обладания, и «неклассный генитив», выраженный суффиксом, который М.Е. Алексеев [1988: 80] реконструирует для праандийского уровня как *-ли*. Оба показателя при-

соединяются к косвенной основе имени (если она имеется); ср. багвалинские примеры *ehun-dar-alu-b misa* [кузнец-PL-OBL.NPL-N дом] ‘дом кузнецов’ и *ila-ī-ī misa* ‘дом матери’ [мать-OBL-GEN дом] [Даниэль 2001: 140]². Личные местоимения в функции посессора всегда принимают КЧП и далее не рассматриваются.

Андийский язык [Церцвадзе 1965; 1967]. Посессоры мужского класса независимо от числа маркируются КЧП, а все прочие — генитивом.

Ахвахский язык [Магомедбекова 1967]. Согласуются с объектом обладания по классу посессоры мужского класса в единственном числе и личные посессоры во множественном числе; при этом КЧП часто опускается³. Прочие посессоры оформляются генитивным суффиксом. Примечательно, что КЧП может присоединяться и к генитиву, в результате чего посессор становится нереперентным; ср. следующие примеры: *kaxoze-l'i q'uri* [колхоз-GEN поле] ‘поле колхоза’ vs *kaxoze-l'i-be q'uri* [колхоз-GEN-N поле] ‘колхозное поле’ [Магомедбекова 1967: 54].

Багвалинский язык [Гудава 1971; Даниэль 2001]. Судя по данным М.А. Даниэля, в говоре села Кванада помимо посессоров мужского класса единственного числа и личных посессоров множественного числа КЧП могут принимать некоторые топонимы (с. 149). Т.Е. Гудава сообщает, что в говоре села Тлисси КЧП могут присоединять и посессоры женского класса с косвенной основой на *-l:i* (с. 223).

Ботлихский язык [Гудава 1961; 1967]. Посессоры мужского класса единственного числа и личные посессоры множественного числа принимают КЧП. При этом, однако, Т.Е. Гудава отмечает, что иногда посессоры мужско-

² В некоторых андийских языках имеется конструкция, в которой при множественном объекте обладания к группе посессора добавляется еще показатель множественного числа. Эта конструкция ниже не рассматривается.

³ Ср. [Кибрик, Кодзасов 1990: 264; Boguslavskaja 1995: 236—237]; А. Дирр в своей работе 1909 года также отмечает, что ахвахские посессивные местоимения не согласуются с вершинным именем.

го класса единственного числа маркированы генитивным суффиксом вместо согласовательного показателя. Хотя автор трактует это как ошибку, наличие подобной вариативности в некоторых других андийских языках дает повод усомниться в таком нарушении презумпции правильности речи.

Годоберинский язык [Гудава 1967b; Саидова 1973; Kibrik (ed.) 1996]. В единственном числе согласование обнаруживается только у посессоров мужского класса, образующих косвенную основу суффиксом *-ǰ:u*. Во множественном числе КЧП принимают личные посессоры. Все прочие посессоры (в том числе и посессоры множественного числа с косвенной основой не на *-ǰ:u*) принимают генитивный суффикс, хотя А. Дирр [1909: 12] приводит для *ita* ‘отец’ как согласуемую, так и генитивную формы, ни одна из которых не задействует *-ǰ:u*. Согласовательный показатель имеет явную тенденцию к опущению. В годоберинском говоре, описанном в [Kibrik et al. (ed.) 1996], КЧП на посессоре обнаруживается и вовсе только при объекте обладания единственного числа неличного класса.

Каратинский язык [Магомедбекова 1971]. КЧП принимают посессоры мужского класса в единственном числе и личные посессоры множественного числа. Классное согласование иногда наблюдается и у посессоров женского класса — хотя, как отмечает Магомедбекова [1971: 1959], «в основном такое смешение свойственно детской речи».

Тиндинский язык [Гудава 1967c]. В целом, наблюдается обычная ситуация с маркированием КЧП посессоров мужского класса единственного числа и личных посессоров множественного числа. В то же время Т.Е. Гудава [1967c: 372] делает замечание о том, что использование генитивного суффикса для посессоров мужского класса «имеет случайный характер и противоречит обычной норме», которое дает повод предположить, что эта система допускает отклонения.

Чамалинский язык [Бокарев 1949]. При единственном числе посессора согласование встречается преимущественно у имен мужского класса, однако у них оно не обязательно и, судя по имеющимся данным, по крайней мере

частично обусловлено близостью к посессивному прототипу. Так, употребление генитива вместо КЧП может свидетельствовать о потенциальности отношения (например, о предназначенности посессору, а не о реальном обладании), о нереферентности посессора. Вне мужского класса согласовательная модель обнаруживается у некоторых женских имен собственных. Во множественном числе дистрибуция согласовательной конструкции не вполне ясна: в частности, А.А. Бокарев сообщает, что во множественном числе имен, указывающих на женщин, встречаются как согласуемые формы, так и формы с генитивным суффиксом.

Итак, дистрибуция конструкции с согласованием в андийских языках не основывается (исключительно) на системе именных классов: во многих языках граница употребления этой конструкции не совпадает с границей классов. Ряд фактов указывает на то, что в основе распределения согласования лежит близость конструкции к посессивному прототипу и, в частности, топикальность посессора. Именно поэтому конструкция с согласованием обязательна для личных местоимений независимо от пола референта. С этим же связано и то, что имена собственные (и в частности, топонимы), которые располагаются высоко в иерархиях топикальности, иногда предпочитают конструкцию с согласованием. Наконец, чамалинские данные напрямую указывают на то, что выбор стратегии маркирования посессивной конструкции может зависеть от близости к посессивному прототипу.

Вместе с тем, тот факт, что в ахвахском языке нереферентные посессоры (кроме посессоров мужского класса) могут выбирать согласование в противоположность референтным бросает тень на эту корреляцию. Нам кажется очевидным, что появление согласования в таких формах может объясняться функциональной близостью их к прилагательным, которые тоже могут согласовываться. Соответственно, можно предположить, что предпочтения согласования возникают на разных полюсах атрибутивной шкалы и движутся к середине.

Адыгейский язык: позиция посессора

В адыгейских именных группах синтаксическое отношение маркируется на вершине, хотя именные зависимые могут быть оформлены падежным суффиксом. Многие определения (прежде всего нереферентные посессоры и прилагательные) образуют с вершинным именем комплекс, который по формальным критериям выступает как единое слово — в таком случае можно говорить об инкорпорации определения. Референтный посессор индексируется личным префиксом в именном комплексе объекта обладания, а также маркируется косвенным («эргативным») падежом (за исключением личных местоимений и в норме за исключением имен собственных и посессивов). Ср.: *а-хэ-мэ я-мыжъо-унэ-жъ* [TOT-PL-OBL:PL 3PL.PR+POSS-камень-дом-старый] ‘их старый каменный дом’.

Позиция именной группы посессора относительно объекта обладания может зависеть от ее типа. Покажем это на примере именных групп, которые содержат препозитивное относительное предложение⁴. Посессор-личное местоимение (не маркируемый падежом) обычно непосредственно примыкает к именному комплексу; ср. допустимость *Айтэч кьыщэфыгъэ сэ с-ипхъэкIычыр* [Айтэч им.купленная я 1SG.PR-POSS-трещотка-ABS] ‘моя трещотка, которую купил Айтэч’ при недопустимости аналогичной группы с посессором в начале **сэ Айтэч кьыщэфыгъэ сипхъэкIычыр*. Что касается позиции прочих посессоров, то при оценке разных построений оценки носителей языка расходятся. Для некоторых носителей посессоры всегда следуют за относительным предложением и в этом случае. Для других посессоры, не выраженные личными местоимениями, предшествуют относительному предложению; ср. *Каплъан / [мы кIорэ бзыльфыгъэ-м] усабэ зышIагъэ икIалэр* [Каплан

⁴ В адыгейском языке имеется и другой — причем более естественный — способ введения посессора при относительной конструкции. Семантическая вершина конструкции при этом находится внутри относительного предложения, а посессор в норме примыкает к ней. Таким образом все предлагаемые ниже примеры сообщают скорее о потенциальных построениях, нежели о наиболее оптимальных и регулярно используемых конструкциях.

/ этот идущий женщина-OBL стихотворение-много знающий POSS-парень-ABS] ‘ребенок Каплана / этой идущей женщины, который выучил много стихов’ при недопустимости (для этих носителей) **усабэ зышIагъэ Каплъан / [мы кIорэ бзыльфыгъэ-м] икIалэр*. Как показывают эти примеры, в таком случае позиция посессора не зависит ни от его маркированности / немаркированности падежом, ни от того, сколько слов включает его именная группа.

Объяснение адыгейской системы потребует от нас представления о снижении автономности модификатора, которое может проявляться в его фонологической неполноценности (модификатор образует с вершиной единое фонетическое слово или по крайней мере их сочетание следует морфологическим правилам, не характерным для синтаксического уровня), морфологической неполноценности (отсутствие «ожидаемого» морфологического маркирования) и синтаксической неполноценности (строгие ограничения на позицию модификатора, неспособность к его ветвлению).

Адыгейская система, по-видимому, должна трактоваться следующим образом. Прилагательные и нереферентные посессоры входят в единый морфологический комплекс с вершинным именем, проявляя и фонологическую неполноценность (в норме они образуют с вершинным именем единое фонетическое слово и участвуют в чередованиях, типичных для адыгейской словоформы), и морфологическую неполноценность (так, нереферентные посессоры не маркируются падежом), и синтаксическую неполноценность (позиция этих модификаторов строго фиксирована, с некоторыми оговорками они не могут иметь собственные зависимые). Личные местоимения, в свою очередь, проявляют меньшую синтаксическую автономность нежели прочие референтные посессоры, поскольку они обязаны примыкать к вершине. В результате мы наблюдаем ту же картину, что мы видели для согласования в атрибутивных конструкциях в андийских языках: некоторый процесс задействует два полюса атрибутивной шкалы в большей степени, чем ее середину.

Обсуждение

В [Lander 2010] было показано, что сходства в дистрибуции между снижением автономности определения (инкорпорацией в широком смысле) и атрибутивным согласованием типологически прослеживаются достаточно хорошо. Более того, в некоторых языках эти два процесса даже могут конкурировать друг с другом (не исключено, что именно так можно трактовать исчезновение или факультативность посессивного согласования в некоторых андийских языках — например, в годоберинском).

Объяснение этого сходства, предложенное в упомянутой статье, основывается на понятии сопряженности (*bindedness*), предложенном У. Фоли в работе [Foley 1980]. У. Фоли показал для ряда австронезийских языков, что разные определения обнаруживают разную степень сопряженности с вершиной именной группы, чем объясняется не только порядок слов в именной группе, но и маркированность / немаркированность определений. Как кажется, снижение автономности фактически тоже демонстрирует степень сопряженности определения и вершины. В таком случае оказывается, что разную сопряженность с вершиной могут демонстрировать не только разные функциональные типы определений, но и разные виды определений внутри одного типа (например, разные виды посессоров).

Если мы признаем, что снижение автономности модификатора указывает на его повышенную сопряженность с вершиной, можно предположить, что о том же свидетельствует и согласование определения. В [Lander 2010] предлагается точка зрения, в соответствии с которой согласование определения может описываться как инкорпорация модификатора в грамматический материал, представляющий вершину. Впрочем, любое конкретное решение этого вопроса, вероятно, требует принятия специфических теоретических допущений.

Сокращения в глоссах

ABS — абсолютив; GEN — родительный падеж; NPL — множественное

число личных («разумных») классов; N — средний (неличный) класс; OBL — косвенная основа (в андийских языках) / косвенный падеж—«эргатив» (в адыгейском языке); PL — множественное число; POSS — посессивная деривация; PR — посессор; SG — единственное число.

Литература

Алексеев М.Е. 1988. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. М.: Наука.

Бокарев А.А. 1949. Очерк грамматики чамалинского языка. М., Л.: АН СССР.

Бокарев Е.А. и др. (ред.) 1967. Языки народов СССР. Т. 4: Иберийско-кавказские языки. М.: Наука.

Гудава Т.Е. 1961. Склонение имен существительных в ботлихском языке // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков / Е.А. Бокарев (ред.). М.: Изд. АН СССР. С. 130—146.

Гудава Т.Е. 1967а. Ботлихский язык // Бокарев и др. (ред.)

Гудава Т.Е. 1967b. Годоберинский язык // Бокарев и др. (ред.)

Гудава Т.Е. 1967с. Тиндинский язык // Бокарев и др. (ред.)

Гудава Т.Е. 1971. Багвалинский язык. [На груз. языке с резюме на русск. языке.] Тбилиси: Мецниереба.

Даниэль М.А. 2001. Имя существительное // Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари / Ред. А.Е. Кибрик и др. М.: Наследие.

Дирр А.М. 1909. Материалы для изучения языков и наречий андо-дидойской группы. Тифлис.

Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. 1990. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М.: Изд. МГУ.

Магомедбекова З.М. 1967. Ахвахский язык. Тбилиси: Мецниереба.

Магомедбекова З.М. 1971. Каратинский язык. Тбилиси: Мецниереба.

Саидова П.А. 1973. Годоберинский язык. Махачкала.

Церцвадзе И.И. 1965. Андийский язык. [На груз. языке с резюме на

русск. языке.] Тбилиси: Мецниереба.

Церцвадзе И.И. 1967. Андийский язык. // Бокарев и др. (ред.)

Boguslavskaja O. Ju. 1995. Genitives and adjectives as attributes in Daghestanian // *Double Case: Agreement by Suffixaufnahme* / Ed. F. Plank. Oxford etc.: Oxford University Press.

Dixon, R.M.W. 1977. Where have all the adjectives gone? // *Studies in Language*. Vol. 1.

Foley W.A. 1980. Towards a universal typology of the noun phrase // *Studies in Language*. Vol. 4.

Kibrik A.E. et al. (eds) 1996. *Godoberi*. München/Newcastle: Lincom Europa.

Lander Yu. 2008. Varieties of Genitive // *The Oxford Handbook of Case* / Eds. A. Malchukov, A. Spencer. Oxford etc.: Oxford University Press.

Lander Yu. 2010. Dialectics of adnominal modifiers: On concord and incorporation in nominal phrases // *Essais de typologie et de linguistique générale. Mélanges offerts à Denis Creissels* / Ed. Franck Floricic. Lyon: ENS éditions.

Nichols J. 1986. Head-marking and dependent-marking grammar // *Language*. Vol. 62.